

HOMO LEGENS – Леонид Добычин

Писатель и брянские библиотеки 20-30-х годов XX века

Леонид Добычин - homo legens, то есть в переводе с латыни – человек читающий. За свою короткую жизнь он написал сравнительно немного: два сборника рассказов и маленький роман. И именно этот роман - одно из редких произведений Добычина, написанный от первого лица, свидетельствует о постоянном присутствии с детства книги в его жизни. Он мечтает дружить с сыновьями Манилова, которые для него более реальны, чем окружающие его люди. Когда он прочитал чеховскую «Степь», ему казалось, что он сам это написал. Писательский лаконизм Добычина связан в том числе и с той высокой планкой, которую задавала его начитанность.

По приезде в 1918 году в Брянск он использует любую возможность ознакомиться с новыми литературными журналами, о чем свидетельствует его переписка с К.И. Чуковским: «Я беру читать «Современник» у Союза «Нарпит»: они не знали, что это – «типичный образец нэпмановской литературы», и подписались.» Проживая в Брянске, писатель использовал любую возможность записаться в библиотеки города. А поскольку тогда существовал жесткий классово-социальный регламент, активно он пользовался только двумя библиотеками. При этом, однако, некоторым образом Леонид Добычин был вовлечен в орбиту библиотечного бытия.

Что же читают герои рассказов Добычина, живущие в Брянске в 20-х годах прошлого века?

Провинциальный Брянск, в котором прожил писатель с 1918 по 1934 год, работая в разнообразных конторах, был предметом его пристального писательского изучения. В написанных им рассказах содержится неразгаданная по сей день тайна, представляющая интерес как для филологов, так и для читателей. Ведь он фиксировал мимолетность, незаметность жизни простых обывателей. Что крамольного было в его героях – в Савкиной, Конопатчиковой, Ерыгине, Жорже Кукине? За что творчество писателя было на 50 лет вычеркнуто из контекста советской литературы? Его герои не противостоят жизни, не делают попыток увидеть подлинное лицо сквозь мнимые личины. Его обращение к одним и тем же героям, одним и тем же старым темам приводят к мысли, что истину в себе они словно и не ищут – все идет как идет. Это та же самая «обломовщина», только менее сытая, с киселем, картошкой и вишневой

наливкой. Мир претерпевает глобальные метаморфозы, а брянские обыватели поливают огороды, купаются, по вечерам, слушают вальсы в парке. В них внешне не проявляется никакого бунта и несогласия с действительностью. Но не стоит забывать, что это люди, пережившие революцию, войну и разруху. У них, возможно, наступило отупение от переполненности чаши страданий, которую каждый из них испил. Но никто об этом не говорит, словно ничего этого и не было. Люди живут в холодном, враждебном, тревожном мире, где жизнь сама по себе страшнее всего, что можно было о ней представить. Каждый словно понимает, что бессмысленно маленькому человеку мечтать о будущем.

Между тем, зоркий писательский взгляд Леонида Добычина фиксирует все, что касается его героев. Почти все они что-то читают. Герой рассказа «Прощание» Кунст читает газету «Век», в которую был завернут кусочек хлеба, принесенный им на ужин. Вопрос квартирной хозяйки к нему: «Вы читали Макса Штирнера?», - остается без ответа. Любопытно, что бы мог ответить голодный герой рассказа, собравшийся уехать из Петербурга в провинциальный город, куда его зовет тетя, к более сытой жизни, по поводу теории индивидуалистического анархизма, основателем которой являлся Макс Штирнер?

Героиня «Козлова» внутренне рассказа не желает примиряться действительностью. На теплой лежанке она читает дореволюционное приложение к «Ниве». В рассказе «Встречи с Лиз» появляется первая библиотекарша – девица с желтыми кудряшками, скачущая по лесенкам в поисках чего-нибудь революционного, запрошенного Кукиным. Кстати сказать, революционного она ничего не находит, и предлагает герою «Мерседес де-Кастилья» и сочинения Писемского. В рассказе описаны плакаты, развешенные по стенам библиотеки: «Туберкулез! Болезнь трудящихся! Долой домашние! Очаги!». В рассказе «Портрет» библиотекарша сидит за прилавком, со щекой, запачканной порохом. На ее воротнике красуется дама в профиль. Заседает общество друзей библиотеки - Жоржик и стеклографистка Прохорова. Он раскрашивает плакат «Проклятье тебе, мистер Троцкий», а на рекомендательном столе лежат книги: «Виренея» и «Наталья Тарпова».

Добычинские герои не только читают, но и сами пишут заметки в местные газеты: «Не злоупотребляйте портретами вождей», «Наробраз, обрати внимание» («Савкина»), «Наши бани» («Встречи с Лиз»). Героиня одноименного рассказа Конопатчикова сидит за губернской газетой. Герой рассказа «Хиромантия» Петров усердно изучает одноименную книжицу. В рассказе «Сад» «отсекр» товарищ Липец держит газету с собственным портретом, его статейкой и стихотворением дочери:

гудками встречен день. Трудящиеся.

А еще они ходят на лекции митрополита Введенского, дискутирующего с безбожником губернского значения Петровым (не с тем ли, с «Хиромантией» в кармане? «Портрет»). Словом, добычинские герои читают. Но в этом чтении нет ничего значительного: газеты, стишки («Савкина»). Разве что Добронравова из культкомиссии, стриженая, с подбритой шеей, изучает брошюру «Исторический материализм и раскрепощение женщины» («Конопатчикова»).

И библиотекарши появляются в канве рассказов. В рассказе «Сорокина» библиотекарша смотрит на входящих и угадывает: «Джимми Хиггинс?» В рассказе «Матерьял» библиотекарша Годулевич является главной героиней. Этот блестящий образец добычинской прозы неоднократно подвергался тщательному литературоведческому анализу. Брянскими краеведами установлен прообраз героини – это Евгения Иосифовна Цукерман, библиотекарь Клуба Совторгслужащих им. Карла Маркса. В переписке с К.И. Чуковским и М.Л. Слонимским он шутливо называет ее «Цукерманшей». Судя по всему отношения у них были вполне себе дружеские, хотя и ироничные со стороны писателя.

«Дорогой Корней Иванович. Цукерманша будет обрадована Вашим поклоном. Я передам ей, как только пойду относить ей «Арсена Люпена». Вижу, как она расцветет и просияет.

У нее в «Карле Марксе» течет крыша и подставлена лохань. Несколько раз в минуту раздается: «плюх, плюх», - она хватается за голову и восклицает: «Ах, как действует на нервы!»

Кроме того, ей недавно убавили жалованье. Я об этом узнал в следующей форме: «Цукерманша проглотила пилюлю: ей сбавили жалованье». Она украсила стены «Карла Маркса» Лозунгами: «Каждый день читай хотя бы по одному часу и обдумывай прочитанное». И тому подобное.

У меня она спросила: «Какие в Ленинграде Лозунги?» - а я не знал». (Из письма К.И. Чуковскому. 22 марта 1926 года).

В 20-х годах XX века экономическое положение в стране было тяжелым, и в связи с этим прошло сокращение числа библиотек и их сотрудников в городе. Но с 1923 года начинается возрождение библиотечной сети. «Старорежимных» специалистов стали заменять совкадрами из рабочих и крестьян, часто без специального образования. «В целях подготовки библиотечных работников Губернской библиотечной секцией были организованы двухнедельные курсы в мае месяце. (Опросный лист инструктора библиотечного отделения Брянского Главполитпросвета Булгаковой Анны Георгиевны)». Евгения Иосифовна Цукерман окончила именно такие курсы.

Краткая историческая справка. 4 ноября 1920 года был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров «О централизации библиотечного дела в РСФСР». Первая библиотека в Советском районе города Брянска была реорганизована в уездную Центральную, пополненную книжными фондами ликвидированных библиотек: пожарного общества, общества «Трезвость», Общества потребителей, Комитета общественной безопасности.

В архиве Брянской области сохранился Протокол общего собрания библиотекарей города от 24 января 1921 года, в котором отмечено, что в городе существует 6 библиотек с общим фондом 28336 экземпляров. В этом же протоколе идет большой деловой разговор об упорядочении библиотек города Брянска. Таким образом, в 20-е годы определяется стратегия и тактика библиотечного дела в стране, подкрепляемого большим количеством постановлений и инструкций. Наряду с уже существующей Центральной библиотекой, в Клубе им. Карла Маркса разместилась библиотека Совторгслужащих, которой заведовала Е.И. Цукерман.

«В пику ей «Центральная библиотека» наклеивает лозунги на окна. В лозунгах «Центральной» заметно упоение победами: «Союз молота, серпа и книги победит мир», «Наука — победа религии». Может быть, это успех работы по военизации населения». (Из письма М.Л. Слонимскому. 16 апреля 1924 года).

Библиотека, где работала Евгения Иосифовна Цукерман, находилась напротив здания бывшей Женской гимназии на Красной площади. В этом здании с 1874 по 1917 годы располагалось Общественное собрание. К нему примыкал сад, который с начала 20-х годов назывался садом профсоюзов (ныне сквер им. Тютчева). Там имелся открытый летний деревянный театр с эстрадой, играл оркестр. Библиотекари были обязаны вести работу среди масс на воздухе. «Закрыв библиотеку, она каждый день с несколькими книжками переходила в сад и привлекательно раскладывала их на столике в конце аллеи. Под залог какого-нибудь документа можно было брать их и читать под фонарем». Так же ей вменялось в обязанность раздавать шашечные доски, чем Цукерман была недовольна.

Клуб им. Карла Маркса

Вход в Сад Общественного собрания

Библиотека клуба им. Карла Маркса соревновалась с «Центральной городской библиотекой №1», расположенной по ул. Советской, в которой кстати, как следует из отчета заведующей, был введен журнал «Мысли читателя о книге и дневник наблюдения над читателями». Фонд «Центральной библиотеки» составлял 2608 экземпляров, тогда как в библиотеке им. Карла Маркса их было значительно больше (9650).

Абонентами этих библиотек было стать непросто: нужно было быть членом профсоюза, принадлежать к совработникам, быть прописанным в Советском районе города Брянска. Важной частью работы библиотекарей было изъятие неугодной властям литературы. Среди книг были не только труды идеологических противников большевиков, но и некоторые сочинения классиков - «устаревшие» (т. е. изданные до революции), сборники стихов и песен.

«Она стала раздражительной и чуть не поругалась с абоненткой Рекс, которая песенник». («Матерьял»). заметить, ОТР освобождение Надо нерекомендованной, устаревшей и идеологически вредной литературы проводилось с начала 20-х годов. В 1920 году, после преобразования внешкольного отдела Наркомпроса в Политпросветотдел, были разработаны первые инструкции по чистке. Особенно активно она стала вестись после выхода постановления ЦК РКП (б) «Об усилении партийного влияния на работу библиотек» (1923г.). «Библиотеки надо очистить от мусора, необходимо составить списки вредной и ненужной литературы» - статьи подобного содержания появлялись на страницах «Брянского рабочего». В постановлении ЦК ВКП(б) от 30 сентября 1930 года предусматривался обязательный просмотр книжного фонда. В отчетах о работе брянских библиотек есть пометки о том, что «эта работа ведется некачественно».

«Цукермание нагорело за неизъятие резолюций 16-ой партийной конференции, которые теперь не в моде».

Еще одним важным персонажем из библиотечного мира является «любительница Зощенко», библиотекарша «Центральной городской библиотеки №1» Ольга Пояркова. «Ольга Пояркова выпросила мой портрет с усами и с бородой. Если я буду иметь у нее дальнейшую славу, я напишу». (Из письма М.Л. Слонимскому. 23 января 1926 года). «Олька Пояркова – желтоволосая. Моя слава у нее померкла, потому что я с ней очень грубо обращаюсь. Теперь я славлюсь только у Цукерманши, библиотекарши из «Карла Маркса». Мне очень скучно. Если требуется выразиться текстом из евангелия, то «душа моя скорбит смертельно». (Из письма М.Л. Слонимскому. 9 марта 1926 года).

Со временем общение Леонида Добычина с Евгенией Иосифовной приобретает взаимовыгодный характер. Добычин дает полезные советы, что выписать для библиотеки. Она же снабжает его новыми литературными журналами. «Цукерманша спрашивает, что выписать в библиотеку, и я сказал: роман «Завоеватели»». (Из письма М.Л. Слонимскому. 11 сентября 1927 года). Некоторые из книг, присланных ему, Леонид Добычин передает в дар библиотеке: «"Лавровых" я на днях вручаю Цукерманше для библиотеки, чтобы Вы славились и здесь». (Из письма М.Л. Слонимскому. 10 апреля 1927 года).

Леонид Добычин становится, что называется, широко известным в узких кругах. «Один раз я вкусил нечто вроде славы: на улице ко мне подошел человек и сказал: - Вы,

кажется, являетесь автором одной из книг». (Из письма М.Л. Слонимскому. Октябрь 1927 года).

В 1930 году Леонид Добычин пишет рассказ «Матерьял», в героине которого – Годулевич – угадываются черты Евгении Иосифовны Цукерман. В начале сентября 1930 года рассказ был послан М.Л. Слонимскому, и в письме от 14 сентября Добычин спрашивает: «Если Вы не написали мне, как Вам понравился рассказ про матерьял, то напишите.» Ответом на эту просьбу было молчание, но в 1933 году писатель упорно стремится опубликовать рассказ. Кроме того «Матерьял» должен был дать название всему сборнику. Но судьба его была трагична. При жизни писателя он так и не был опубликован. Несмотря на «политический климат» Л. Добычин надеялся на публикацию этого рассказа. Это следует из воспоминаний профессора Л.А. Григорьева, рассказывающего о литературном вечере у Добычина уже в Ленинграде: «Комната у него была совершенно пустая. Я сидел на ящике. <...> Пришло человек десять. Добычин прочитал два рассказа. Один не помню, второй — о соревновании.» Судя по всему, действие происходило в конце 1935-1936 года, а рассказ о соревновании, конечно же, «Матерьял».

Этот рассказ в большей степени многослоен, чем может показаться в поверхностном восприятии. Сюжет его таков: героиня рассказа, библиотекарша Годулевич, случайно слышит, как инженер Смирнов напевает своим знакомым куплеты про Ленина и деток. Она намеревается донести на Смирнова на «чистке». Но жалеет его и не доносит, а потом жалеет, что не донесла; эти колебания и составляют сюжет произведения.

Переживания и волнения Годулевич «доносить или не доносить» были знакомы миллионам советских граждан. Подобная ситуация не являлась приоритетом только советского времени, она воспроизводится с библейских времен в любых сообществах людей как вчера, так и сегодня. Сам Леонид Иванович прекрасно понимал эту ситуацию. Судьба инженеров висела на волоске и зависела от душевных колебаний Годулевич во время «чистки». И все же его рассказ в какой-то степени оптимистичен. Ведь в конце концов библиотекарша ни на кого не донесла и ничего фатального не случилось, все обошлось. В рассказе ощутимо сочувствие автора к героине. Добычин тонко дает понять, что ее раздражение и зависть к инженерам объясняется усталостью и жизненными трудностями. Ведь из писем Добычина известно, каких трудов ему стоило найти работу со ставкой в 150 рублей. Библиотекарша получала еще меньше, к тому же она жила у хозяйки, снимая жилье. Она - примерная труженица, жила в бедности, тогда как многие устроились на теплые местечки. Единственной радостью для нее стала поездка в дом отдыха, хотя получить путевку туда было делом непростым. Она получила ее бесплатно за заслуги в соцсоревновании. Осенью она возвращается из дома отдыха, «потяжелевшая на восемь фунтов, черная и шумная». И самое главное - не запятнавшая свою совесть доносом. Впрочем, Добычин со свойственным ему сарказмом пишет, что героиня «раскаивалась в этом малодушии...» ...

Случилась ли описанная история с Евгенией Иосифовной Цукерман или была авторским вымыслом – об этом история умалчивает. «А у Цукерманши взять больше нечего, ее книги я все уже читал...» Неизвестно также и то, вел ли Леонид Иванович переписку с библиотекаршей из Брянска после переезда в Ленинград? Вряд ли... Свидетельств тому не сохранилось. Может быть передавал через сестер или матушку приветы... Но отрадно то, что писатель Леонид Иванович Добычин при тотальном одиночестве, переживаемом им в уездном городе, был человеком, который у библиотекарей «славился»!

«Цукерманша спрашивала, кто Теперь считается Восходящей Звездой, и я хотел сказать, что – я, но она бы не поверила. Пришлось сказать, что я не знаю». (Из письма К.И. Чуковскому. 22 марта 1926 года).